

Егор ЮРЗОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАЖИГАЕТ ЗВЁЗДЫ

@ЭЛИТА

16+

Егор Юрзов

**Человек, который
зажигает звёзды**

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Юрзов Е.

Человек, который зажигает звёзды / Е. Юрзов — Электронное издательство "Аэлита", 2014

Бойтесь своих желаний, вдруг они могут исполниться? А ведь даже у луны есть тёмная сторона. Именно со своей второй сущностью, впитавшей в себя все то, что на протяжении жизни откладывалось, забывалось, предавалось, пришлось встретиться Марку, обычному парню, чья жизнь в один прекрасный день пошла по иному, странному, и плохо поддающемуся логическому объяснению пути. Пути, с которого уже невозможно будет свернуть. Пути к звездам.

Содержание

Глава 1. Приветствие	6
Глава 2. Этот больной безумный мир	10
Глава 3. Дверь, ведущая в никуда	19
Глава 4. Заоблачные грёзы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Егор Юрзов

Человек, который зажигает звёзды

© ЭИ «@элита»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Над нами одно небо, над нами одни звёзды»

Глава 1. Приветствие

Здравствуйте! Меня зовут Марк. Марк Адамович Вильштейн. Звучит немного дико для русского уха, не правда ли? Марком меня решила назвать бабушка, видимо, ничего более пафосного ей в голову не приходило. Классическая женщина, выросшая в Советском Союзе, где всё иностранное было под негласным запретом, могла выбрать две дороги. Она могла назвать своё чадо патриотическим и ультрамодным в те времена именем, пополнив тем самым ряды Владленов и Нинелей, или, прикоснувшись к запретному, тайком поглядывая зарубежные сериалы, которые ей каким-то чудом удавалось доставать из-под прилавков, придумать нечто оригинальное! Так рождались в своё время Хуаны Андреевичи Гринько, или Анжелики Ивановны Поповы. Представляете, как бедным детям доставалось в школе? Удивительно, как им удавалось вырасти более-менее адекватными людьми, не затаив при этом злобу на весь мир, а в частности, на своих обожаемых родителей, осмелившихся так жестоко над ними пошутить.

К счастью, моя любимая бабушка относилась к третьей, более малочисленной категории. Её отец был белогвардейским офицером, погибшим в первые дни революции. Она с детства рассказывала нам с сестрой истории о нём. Именно от него я унаследовал фамилию Вильштейн. Поговаривали, что наш род берёт начало от древних кельтских племён, непонятно какими ветрами занесённых в центральную часть России, но я никогда не придавал этому особого значения. Какая, в конце концов, разница, где твои предки убивали мамонтов. Так вот, уже взрослой девушкой моя бабка осознала своё место в жизни. Она искренне не понимала людей, борющихся с правительством посредством митингов или даже терактов. Какая разница, кто стоит у власти, считала она. Свою миссию она видела в том, чтобы попробовать сохранить богатое духовное и литературное наследие страны, упорно подчищаемое советской властью. Наверное, только так можно объяснить тот факт, что красивая молодая девушка добровольно похоронила себя в небольшой библиотеке провинциального городка, в котором прожила всю жизнь. В этой библиотеке было всё! От справочников для садоводов до учебников по квантовой механике. Также там хранилось немного духовной литературы, переживавшей свои не самые лучшие времена. Наверное, именно благодаря ей я обзавёлся своим вторым именем Адамович.

Мой папа был высоким, рослым мужчиной со светлыми глазами и огромными волосатыми руками, которые с лихвой компенсировали загорелую лысину. А ещё у него были усы! Огромные рыжие усищи! Которые, можно сказать, были его гордостью. Мой отец никогда не разделял высоких идеалов своей матери. Его мысли всегда витали вокруг простых материальных ценностей. Как истинный сын новоявленной утопии, после окончания школы он устроился рабочим на завод. Понятия не имею, что он там делал, но одно я запомнил точно – запах машинного масла, который, казалось, настолько въелся в его плоть, что даже подумай он сменить работу, его поры всё равно, вместо солёной жидкости, смазывали бы его кожу первосортным машинным маслом.

Моя сестра, Елена Адамовна Вильштейн, всегда любила отца. Как ни странно, с самого раннего детства она предпочла куклам разные шурупы и гайки, которыми была завалена вся квартира. Я же в свою очередь, был крайне далёк от всего этого. Часы напролёт я просиживал в пыльной библиотеке, в полупустом читальном зале, погружаясь в различные дивные миры. Я был пиратом и отважным корсаром на службе её величества, я открывал новые земли, странствуя на волшебных птицах, и бороздил просторы космоса на летающих тарелках. Мой внутренний мир для меня был куда любопытнее мира внешнего, такого скучного и предсказуемого. И каждый раз, закрывая тяжёлые двери библиотеки, ставшей для меня неким порталом в другое измерение, я испытывал лёгкое разочарование. Опять школа, в которой древние словно мир бабульки пытались вбить мне в голову информацию, абсолютно мне не интересную, одно-

классники, которых я считал круглыми идиотами. А затем дом, сестра, периодически колотившая меня и повторяющая любимую фразу. «Марк, ты человек пропащий!» Отец, которому всегда было не до меня, и мать, кроткая серая мышка, подрабатывающая бухгалтером на хлебобулочном предприятии. Как же я ненавидел свою жизнь, но каждое новое утро я встречал с улыбкой, представляя себе, сколько новых миров мне предстоит открыть.

Как говорилось выше, своим редким именем я обязан бабушке, пользовавшейся в семье непререкаемым авторитетом. Овдовев в сорок семь лет, Клара Павловна Вильштейн целиком переключилась со своей жизни на нашу, в кратчайшие сроки взяв в свои крепкие руки все бразды правления. Но вскоре, после тщательной рекогносцировки местности, к своему глубочайшему разочарованию, наш маленький генерал увидел реальное положение дел. Своего сына ей было воспитывать слишком поздно. В его голове, уже практически отказывавшейся принимать новые знания, чётко закрепились все моральные устои, и его жизненные планы не шли дальше выполнения пятилетки в три года и новой квартиры как у коллеги Кашкина, проработавшего на заводе на полгода больше Адама. Кандидатура моей матери отпала так же быстро. Это была тихая кроткая женщина, никак не вписывающаяся в Некрасовские идеалы: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Её мнение целиком зависело от мнения мужа, а его жизненные позиции мы уже разобрали. Следующей по старшинству шла моя сестра, вот тут бабушка встретила достойного соперника. Похоже, гены моих предков, перескочив через поколение, нашли пристанище в её хрупком одиннадцатилетнем тельце. Долго и упорно бились эти две женщины, яростно пытаясь переломить моральные устои друг друга, и не смотря на откровенное преимущество одной из них в знаниях и в опыте, вторая не сдавалась, с лихвой компенсируя свою незрелость неуёмной энергией и великолепной закалкой классической советской школы, научившей детей отвергать все самые разумные доводы, не вписывающиеся в её идеологию. После кровопролитных сражений, из которых обе стороны умудрились выйти с гордо поднятыми головами, пристальный взор бабушки пал на самого младшего члена семьи. Меня. И тут она с удивлением обнаружила прекрасный холст. Родители и учителя давно поставили на мне крест. Изо дня в день я слышал только то, что мне надо быть серьезнее, внимательнее, думать о будущем, думать о стране, потому что это мой долг и прочее и прочее. Обычно я никогда не дослушивал до конца, быстро переключаясь между внешним миром и своей внутренней твердыней, служившей мне надёжной защитой от всех превратностей судьбы.

«Послушай, Маркуша, – часто говорила бабушка, когда я обычно допоздна засиживался у неё в библиотеке, вместо того, чтобы, как все нормальные дети, бегать, шалить, резвиться на солнышке. – У тебя великое будущее, не слушай ты этих тупиц, они видят лишь то, что им говорят видеть, абсолютно не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Этот мир прекрасен и полон чудес, но люди слепы, они не в состоянии их увидеть. Вот в этом-то и заключается твоё предназначение, однажды ты откроешь им глаза, покажешь им всю красоту нашей Вселенной. Главное верь и не предавай себя!»

Сейчас мне двадцать четыре. Моя бабушка умерла, когда мне было тринадцать, но я до сих пор вспоминаю её практически каждый день. Несмотря на громкое имя, я ничего не добился в жизни. Первым моим разочарованием была школа: я никогда не считал себя гением, но и полным кретином, как большинство моих одноклассников, тоже не являлся. Но, несмотря на это, аттестат я получил с тройками. И не потому, что был глупее других, как мне бы хотелось считать. Просто порой мне не хватало усидчивости, порой внимания, и самое главное, я до сих пор не научился держать язык за зубами. Многие считали это проблемой. А меня всё устраивало. По крайней мере, я старался быть честен, хотя бы с самим собой. Дальше я поступил в университет, я долго выбирал специальность, хотя, если честно, мне было абсолютно плевать. С одной стороны все кричали о перенасыщении страны экономистами, юристами, маркетологами и прочей нечистью, и о тотальном дефиците инженерных специальностей, а с другой

орали о полном отсутствии квалифицированных экономистов, юристов, и прочего офисного планктона.

«Ты мужчина. И должен содержать семью. Спустишься с небес на землю, хватит витать в облаках» – гудели у меня в голове слова отца, сказанные однажды вечером и повторенные добрую сотню раз в самых невероятных интерпретациях. Я нашёл компромисс. Поступил в технический университет, на полуэкономическую, полутехническую специальность, связанную с транспортом. В общем, как и сам ВУЗ. Не могу сказать, что я был недоволен выбором. Но практически каждый вечер, сидя в одиночестве в своей комнате, когда родители ложились спать, моё сердце грызла непреодолимая тоска. Кое-как мне удавалось находить временное убежище в выдуманных другими людьми мирах, среди друзей, в объятиях молодых девушек. И поначалу это помогало. Но лишь поначалу. Вскоре многие книги стали вызывать у меня явное отторжение. Я не хотел жить в мирах, построенных кем-то для других. Я хотел сам быть архитектором чужих грёз. С выходом из школы круг моих друзей стал уменьшаться всё стремительней, постепенно превратившись в маленькое колечко, вот-вот грозящее исчезнуть. Когда прошла первая влюблённость, пережитая мной, как и практически любым другим человеком, довольно тяжело, но, безусловно, ярко, отношения к девушкам резко изменились. Мне было хорошо с ними, но я прекрасно понимал, что и без них моя жизнь не закончится. Это вгоняло меня в ещё большее уныние. И так я стал постепенно замыкаться в себе. Годы шли, и с каждым прожитым днём моё внутренне недовольство возрастало; порой мне казалось, что где-то за мной, приблизительно на метр выше головы, летает маленькая злобная гроздовая тучка, с сердитой рожицей посередине, и периодически, гневно потрясая кулачками, швыряет в меня молнии, при этом выкрикивая всякие ругательства бабушкиным голосом. Вот такая у меня буйная фантазия, из-за неё я до шестнадцати лет боялся спать с выключенным светом, постоянно зарываясь с головой под одеяло. Она всегда была моим величайшим даром, но в то же время и моим величайшим проклятьем. Порой я завидовал людям, для которых стабильная работа, семья, и машина в кредит были основным смыслом жизни. Завидовал, и в то же время сочувствовал. Я хотел другого. Основная проблема была в том, что я не знал, чего я хотел, и не знал, как этого достичь. Но одно я точно знал: чего я не хочу. И этот список был на удивление огромным, хотя со многим из него приходилось мириться. И это делало рожицу на моём облачке всё более и более сердитой.

Дни шли.

Вскоре я закончил университет. Красного в моём дипломе было лишь маленькое пятнышко, поставленное хорошим вином, которое меня уговорили выпить одноклассники на маленьком междусобойчике в честь завершения учёбы. Учитывая то, что я вообще не пью, для меня этот бокал показался сродни бездонной бочке, или не опустошаемому кубку Тора.

У меня была работа, не самая плохая, я даже работал по специальности. Занимался перевозками в одной небольшой фирме, специализирующейся на распространении печатной продукции по киоскам и магазинам. Распространял чужие миры, упакованные в красивые обложки. Забавно, ведь многие из творцов уже давным-давно покоятся в могиле, а их творения, их мечты и идеалы живут, с каждым днём вовлекая в себя всё новые и новые умы. Разве это не истинное бессмертие? Но что-то я отвлёкся, со мной такое часто бывает. Ну, так вот, вернёмся к реальности. Как ни странно, я получал неплохие деньги и довольно быстро шёл по карьерной лестнице, как говорило моё окружение, во многом из-за моей харизмы. Хотя я сам с трудом понимал, о чём они говорят. Ну, раз говорят, значит, им виднее. В личной жизни у меня всё было в порядке. Не знаю, почему, но у меня никогда не получалось лёгких отношений, может быть, дело во мне, а может быть, в тех девушках, которых я выбирал, но все мои отношения длились не меньше года, и все были с далеко идущими планами, иногда даже и с моей стороны. Ну и, естественно, все они заканчивались одинаково. Осыпанный «любезностями», я молча возвращался к себе домой, и на протяжении последующих месяцев двух, периодически

то тут то там чувствовал запашок подгнивающих отношений. Редко у кого хватает ума и силы воли сразу похоронить мёртвую любовь, особенно если ты молод.

Сейчас же мои отношения били все рекорды. Она была прекрасна. Красива, умна, интересна, и любила меня без памяти. Чем не идеал? Все вокруг говорили, что мне пора жениться, мол, возраст подходящий, да и девушка лучше некуда. Хватай, пока не убежала! Почему же мне так тошно становилось от всего этого? Так тошно и тоскливо.

Два недели назад мне перестали сниться сны. Вообще перестали. Я чувствовал, что ещё чуть-чуть, и мой воздушный замок канет в пучину житейских невзгод, а заново построить его у меня не будет ни сил, ни желания.

Я часто возвращался домой пешком. Благо от работы было не так далеко. Мы, вместе с моей невестой, снимали маленькое уютное гнёздышко на двенадцатом этаже. За десять минут до окончания рабочего дня начался дождь. Сейчас вовсю на улице царствовало лето, со всеми его дурманящими запахами и невыносимой жарой. Но последнее время, видимо, показывая характер, лето заливало город проливными ливнями. Мои соседи заворчали. Порядочные клерки не мокнут под дождём. У них у всех были при себе маленькие чёрные зонтики, а в десяти метрах от здания, в котором нам повезло работать, их на служебной стоянке ждали маленькие недорогие автомобили, как раз подходящие им по социальному статусу. Чем не идиллия?

Но я всегда любил дождь. С самого раннего детства. Никогда не подозревал, что именно эта безответная любовь к стихии в один прекрасный день коренным образом перевернёт мою жизнь.

Глава 2. Этот больной безумный мир

Вечерело. Несмотря на относительно ранний час, из-за туч, отрезавших наш мир от всевидящего ока солнца, на город постепенно наступала ночь. Редкие прохожие, спрятавшись под дутыми зонтами, торопливо семенили по мокрому асфальту, стараясь как можно быстрее спрятаться в свои уютные тёплые норки. Забавно: когда-то все мы вышли из воды, и, похоже, большинство подсознательно затаило на эту жидкость обиду. Я шёл медленно, размеренной походкой. Не вижу смысла торопиться, особенно учитывая тот факт, что сильнее промокнуть мне не удастся даже при всём желании.

Остановившись напротив светофора, я лениво наблюдал за металлическими коробочками, прорезающими наступающий сумрак яркими лучами. Прямо напротив меня, сияя всем телом, слегка размытым из-за разделяющей нас пелены дождя, на меня нахально уставился красный человечек. Нагло уперев руки в ярко-красные бока и широко расставив ноги, он, ухмыляясь, разглядывал меня. Я, стараясь не обращать внимания на задиру, стал оглядываться по сторонам, силясь найти то, на чём можно остановить взгляд. И, как всегда, нашёл. Удивительно, но самые разные рекламные объявления, на которые ты в обычное время даже и не взглянул бы, становятся безумно интересными, стоит заскучать. Наверное, это какой-то рекламный ход. По крайней мере, неделю назад, ожидая приёма у врача, я досконально изучил не только три таблицы о вреде курения и алкоголя, но и приступил к великолепной и занимательной статье, доказывающей преимущества грудного кормления младенца перед сухими смесями. Слава богу, моя очередь подошла.

И вот, следуя этой занимательной традиции, я уставился на одинокую бумажку, приклеенную к светофорному столбу. Как ни странно, красный человечек никак не уступал место зелёному собрату, так что мне ничего не оставалось, как поднести лицо почти вплотную, силясь разглядеть расплывающиеся надписи.

«Требуется человек, зажигающий звёзды» – гласила табличка. А снизу, там, где обычно весёлой бахромой свисали бумажки с номерами контактных телефонов, сейчас висел всего один маленький листочек. Трижды перечитав объявление, я пожал плечами. Похоже, это очень популярная работа, зажигать звёзды. Ну или местная детвора от нечего делать поотрывала торчащие обрывки. Выпрямившись, я задумчиво сделал шаг вперёд, и тут же был встречен яростным воем гудка и скрипом тормозов; следом за этим волна успевшей пропитаться грязью воды окатила меня с ног до головы, а буквально в паре сантиметров от моего насквозь промокшего тела промелькнул огромный стальной жук. Чёрт. Запоздало дёрнувшись, я очутился на тротуаре. Моё сердце билось с такой частотой, что, казалось, вот-вот проломит грудную клетку. А с противоположной стороны улицы на меня нахально уставился светящийся красный человечек. Что за чертовщина! Ему давно пора погаснуть. Но, похоже, этот нахал и не думал уходить. Я засёк время. Шесть двадцать четыре. Стоило мне оторвать взгляд от часов, как в нагрудном кармане что-то завибрировало, а шум дождя смешался с приятным мотивчиком старой рок-группы. Пристально уставившись на красного забияку, я на ощупь достал телефон, и, нажав на зелёную трубочку, поднёс к уху.

– Слушаю, – проговорил я.

– Привет, малыш, у тебя всё в порядке? На улице такой ливень, а тебя всё нет. Я волнуюсь, – раздался в трубке высокий голосок, со скоростью пулемётной очереди засыпавший меня вопросами.

– Мне захотелось прогуляться, – выдавил я. Конечно, проще было соврать, что мол, машина не завелась, поэтому пришлось идти пешком. Но это было не в моих правилах, с детства моя фантазия и язык всегда опережали голову, из-за этого всю жизнь я слишком много

врал. Без злобы и без цели, так сказать, из любви к процессу «выдумывания». Тем не менее, саму ложь, как факт, я терпеть не мог.

– Ты что, ты же простинешь! У тебя слабое горло! А ну, живо домой! – затараторил высокий голосок с удвоенной скоростью.

– Да я почти дома. Прости, не могу говорить, трубку заливает вода. Целую, – и, не давая ей вновь обрушиться на меня поток вопросов, требований и возмущений, я быстро положил трубку.

А этот гад никак не уходил. Я взглянул на часы, мерцающие на дисплее телефона.

Шесть двадцать девять. Насколько я помню, светофор на этом промежутке должен переключаться каждые три минуты, а это я знал наверняка, так как пересекал его минимум дважды в день, независимо от того, возвращался я пешком или ехал на машине.

Странно, может быть, сломался? Хотя разве тогда он не должен мигать, а то и вовсе потухнуть. Задумчиво оглядываясь по сторонам в поисках ответа, я вновь наткнулся на странное объявление, и совершенно машинально протянул руку и оторвал последний листочек.

Рассеянно повертев клочок бумажки в руках, я невзначай поднял глаза. На месте хулигана стоял добродушный зелёный парнишка, призывно манящий меня на обратную сторону дороги. Чудеса, да и только. Сунув ненужную бумажку в карман пиджака, я быстрыми шагами пересёк улицу, чувствуя, как холодная жижа хлопает в новых туфлях.

* * *

– Ух! Да ты же совсем мокрый! Ну как можно быть таким безответственным, взрослый человек, а ведёшь себя как ребёнок! – хлопотала вокруг меня Карина.

Эх. Взрослый человек, а кажется, совсем недавно прятал дневник под ковёр в гостиной, чтобы мама не увидела очередную двойку. А тут уже взрослый человек. Странно, но мне никак не удавалось почувствовать себя взрослым. Я всегда чувствовал себя либо ребёнком, для которого радуга – это необъяснимое чудо природы, приводящее в дикий восторг, либо стариком, чертовски уставшим от окружающего мира. В последнее время доминировало второе состояние. Я начинал уставать от всего вокруг, да и от себя в частности. Каждый день одна и та же работа, одни и те же заботы. Лишь изредка удавалось глотнуть свежего воздуха, встретившись с друзьями, но в последнее время наши встречи становились всё реже и реже, и всё безрадостней и безрадостней. Может, мы и вправду становились старше? Как же я этого не заметил? В этом плане я всегда завидовал Карине. У неё в голове всё было давным-давно разложено по полочкам. Её цели были просты и незамысловаты. Дом. Семья. Достаток. И она делала всё возможное и невозможное, чтобы как можно быстрее добиться желаемого. Её жизнь давным-давно была расписана до глубокой старости. А заодно она расписала и мою.

Для меня всегда было большой загадкой, почему такая девушка, как она, выбрала меня. Она была умна, красива, а уже этих двух качеств должно хватить девушке, чтобы её жизнь сложилась так, как она захочет. И из всего ассортимента презентабельных накачанных красавцев, обладающими аналогичными планами на жизнь, она выбрала меня. Я не был красив, не обладал фигурой Аполлона, и мои мысли были слишком спутаны, может быть, я был ещё ребёнком. По крайней мере, я склоняюсь к этому варианту. И, как ни странно, пройдя через все двадцать четыре года, ребёнок не повзрослел. Местами озлобившись, взяв в обе руки по острой заточке, он с любопытством изучал окружающий мир, вспарывая его наизнанку, чтобы увидеть суть, а когда его броня трескалась, он моментально старел, с безучастной апатией взирая на окружающий мир через полузакрытые старческие веки. Наверное, у меня было раздвоение личности. По крайней мере, начальная стадия.

– Вот, не дай бог, ты простинешь... а это ещё что такое? – возмущалась моя вторая половинка, выразительно уставившись на меня синими (именно синими, не голубыми, а синими, с

необычайным узором) глазами, которые я всегда обожал, держа в одной руке мой насквозь промокший пиджак, под которым образовывалась небольшая лужица на паркете, а во второй зажав маленький клочок бумаги с набитым на нём номером телефона и тремя загадочными буквами, **ГКС**. Кажется, она давно со мной разговаривает, это хорошо, значит, хотя бы частично уже выговорилась.

– Оторвал по дороге, знаешь, там такая забавная история приключилась, – начал оправдываться я, но был резко прерван. Подлетев ко мне со скоростью реактивного самолёта и неотвратимостью набравшего ход локомотива, прелестное создание замерло в паре сантиметров от моего лица, шумно выдыхая воздух аккуратненьким носиком, явно не предназначенным для такой грубой работы. Затем последовала знаменитая немая сцена, продолжавшаяся секунд тридцать. Чёрт, какие у неё красивые глаза, особенно когда она злится. Не выдержав, я попытался поцеловать её, но стоило мне приблизиться на пару миллиметров, как Карина, резко выпрямившись и удостоив меня ещё одним ледяным взглядом, широкими шагами направилась в спальню, на ходу разорвав и выбросив маленький клочок бумажки и громко хлопнув дверью.

Часы пробили восемь. Да именно пробили. В самом углу у меня стояли массивные антикварные часы, доставшиеся мне от прабабушки, почти маленькая семейная реликвия, помню, как в детстве я обожал садиться рядом с этим исполином, разглядывая мельчайшие трещинки, со временем испещрившие их лакированную поверхность.

Улыбнувшись, я медленно поднялся с дивана и направился на кухню. Почему-то мне кажется, что сегодняшний день я забуду не скоро.

* * *

Утром жизнь постепенно вернулась в привычное русло. Ночь я провёл на диване в гостиной. Не то, чтобы ссора была настолько сильной, чтобы меня не пускали в спальню, да и вряд ли я бы позволил с собой так обращаться, а Карина опустилось бы до такого. Нет, просто я не хотел лишний раз видеть её раздражённое лицо, для меня было гораздо проще переждать шторм в тихой гавани, укрывшись пледом, попивая чай с слегка поджаренным сэндвичем и бездумно пялясь в телек. Где-то около трёх часов ночи, я проснулся от того, что кто-то аккуратно забирается ко мне под одеяло.

– Прости, малыш, я немного погорячилась, – прошептала она мне на ухо. Я же молча, не открывая глаз, притянул её себе. Мир был восстановлен, теперь можно его закрепить.

А когда рассвело, меня разбудил не отвратительный шум будильника, издающего весьма мелодичные звуки гитары, за полгода настолько опротивевшие мне, что я даже на уличных музыкантов стал глядеть с яростью, стоило им лишь слегка коснуться своего инструмента. Нет, утро началось просто замечательно, с запаха свежесваренного кофе и шума шипящей на сковороде яичницы, прожаренной с обеих сторон, как я люблю. Оу, а что это за запах? Кажется, где-то рядом аппетитно румянятся тоненькие полосочки бекона. Если даже после сегодняшней ночи у меня остался небольшой осадок, то теперь всё было просто замечательно. Всё-таки как замечательно жить вместе с девушкой. Конечно, если это настоящая девушка, то есть не просто дырка в мясе, периодически требующая внимания, а человек, обладающий, кроме всего прочего, определёнными мозгами, и старающийся сделать вашу совместную жизнь лучше. Особенно это становится заметно в разных мелочах. Хорошим примером может служить как раз прожаренная с обеих сторон яичница. Терпеть не могу жидкий желток. Мелочь, а приятно.

Дальше всё пошло по накатанной схеме: освежающий душ, приятный завтрак, бодрящие звуки просыпающегося города, стремительно врывающиеся в моё утро через приоткрытую форточку вместе с привычным утренним сквозняком, чашка ароматного кофе, слегка кислотоватого, но я не стал заострять внимания на подобной мелочи, поглаженный костюм, ненавистный галстук из хорошего шёлка, никогда не мог понять, зачем людям добровольно повязыв-

вать себе на шею петлю, но корпоративная этика требовала жертв, нежные объятия и долгий поцелуй в щёку, запах духов, пускай сегодня будет что-то лёгкое. Всегда испытывал слабость к хорошим парфюмам, блеск новеньких швейцарских часов, подарок от подруги на последний день рождения, она умела чувствовать мои слабости лучше меня самого, скрип кожи на лакированных туфлях, щелчок закрывающейся двери, последние пожелания удачного дня, тонущие за парой сантиметров стали облицованной вишней, свет экрана смартфона. 8.24. Шум лифта, запах собаки – похоже я только что разминулся с моим соседом сверху, приютившим в однокомнатной квартире двух мраморных догов, звук отрывающихся дверей, нарастающий шум улицы, яркий свет, заставляющий прищуриться. Первая искренняя улыбка. Привет, утро. Здравствуй новый день. Развернувшись на каблуках я, лихо чеканя шаг, параллельно наслаждаясь шумом, издаваемым брусчаткой в момент радостной встречи с моим каблуком, широкими шагами направился на работу. Пожалуй, это было верное решение, вчера отправиться домой пешком. По крайней мере, именно оно подарило мне чудесную утреннюю прогулку, ведь машина осталась на офисной стоянке. На месте вчерашнего забияки сейчас, приветливо улыбаясь, сидел дружелюбный зелёный парнишка. Слегка согнув спину и отсалютовав двумя пальцами недавнему знакомому, я бодро прошагал по полосатой зебре, постепенно сливаясь с толпой офисного планктона, точно так же, как и я, спешащего занять места в уютных тёмных клетках нашего корпоративного общества.

Машина вот-вот должна была рвануть с места, и каждый, даже самый маленький винтик, считал долгом занять почётное место. Это своего рода философия. Хотя, если задуматься, то ко всему в этом мире можно подобрать свою философию, даже из банального похода в магазин, при наличии свободного времени и хоть капли фантазии, можно сделать событие, сравнимое с великой эпопеей Толкиена, только вместо того, чтобы пафосно бросать антикварное колечко в жерло тухлого вулкана, придётся не менее пафосно укладывать «самое лучшее, самое свежее, самое настоящее молоко» в бездонное чрево магической машины, творящей лёд. Ну, или попросту, в холодильник, как его называют всякие «плебеи». Фу, терпеть не могу молоко. При одной мысли об этом мерзком продукте, у меня перекошило лицо, моментально сделав мой образ неотличимым от остального планктона. Мне даже показалось, что некоторые встречные лица, увидев мою кислую рожу, тут же проникались ко мне пониманием и сочувствием. Может, они тоже не любят молоко? Хм. Надо подумать об этом на досуге. Но не сейчас. Совсем не сейчас. Кажется, я уже немного опаздывал. Так что стоит прибавить ходу.

Чёрт. Что это? Как не вовремя! Сбиваясь с шагу, я лихорадочно рылся в кармане, в котором, кажется, мгновение назад открылось пятое измерение. Но вот, споткнувшись и врезавшись плечом в невысокого лысеющего клерка в чудовищно толстых очках, мне чудом удалось нащупать вибрирующий телефон.

– Приёмная его величества принца Датского, чубака у телефона, – выпалил я, на ходу соображая: смешно получилось или убого. Решив, что скорее убого, слегка погрузтел.

– Здравствуйте, это компания «Star Light inc.», вам сейчас удобно говорить? – раздался в трубке искусственный женский голос, лишённый каких-либо эмоций. Казалось, вздумай я вместо ответа проорать ей «Марсельезу» в несколько голосов, она бы просто молча выслушала до конца, а затем так же бесстрастно переспросила, «удобно ли мне говорить?».

– Да, вполне, – переходя на официальный тон, ответил я.

– Я обнаружила ваше резюме на сайте «JK», и оно показалось мне очень интересным, вы всё ещё находитесь в поиске работы?

– Эм... извините, но вы ошибаетесь в любом случае, у меня уже есть работа и она меня вполне устраивает, – ответил я, готовясь положить трубку, и параллельно лихорадочно соображая. Последний раз я оставлял своё резюме на сайте лет пять назад, да и то, по-моему, он назывался как-то по-другому.

– Вы уверены? Разве ваша жизнь не кажется вам скучной и пресной? Разве вам не кажется, что вы идёте не по своему пути? Ведь даже Карина давно вам говорила это, – неожиданно продолжил голос, резко перейдя на полусшёпот.

– Что... о чём вы... стоп! Откуда вы знаете про Карину?! Кто вы, чёрт возьми, такие?! – от неожиданности я буквально заорал в трубку, чувствуя, как холодные струйки пота сбегают по спине. Мелкие служащие то и дело натыкались на меня, раздражённо оглядывая неожиданное препятствие, возникшее на привычном пути. Но стоило одному из них встретиться со мной глазами, как он вспоминал о тысяче важнейших дел, требующих его немедленного вмешательства, и в мгновение ока исчезал в море строгих костюмов и деловых юбок.

Протяжные гудки были мне ответом. Ещё какое-то время я стоял, словно поражённый громом, посреди движущейся серой массы, стараясь собраться с мыслями.

Три часа дня. Я сижу на рабочем месте. Прямо напротив, нахально уставившись на меня, вальяжно развалилась стопка документов, своей кривизной и величиной безумно напоминающая знаменитую Пизанскую башню. Правда, в последний раз, когда босс проплывал мимо моего кабинета, уверенно распахивая мелких служащих бронебойным животом, словно ледокол, пробивающий путь среди вечной арктической мерзлоты, он, вместо того, чтобы восхититься красотой и величием грандиозного творения канцелярского искусства, предпочёл обратить моё внимание на то, что это блистательное произведение урбанистического искусства давным-давно стоило разобрать по частям и рассортировать в несколько папочек. Ну не варвар ли?

Три часа двадцать пять минут. Секретарша босса задумчиво стоит напротив моего стола, медленно пережёвывая остатки сэндвича с ветчиной и меланхолично взирая на осколки Башни, разметавшиеся по моему столу, после того, как курьер принёс очередную порцию и, как любой человек, не имеющий инженерного образования, не глядя швырнул её поверх остальной макулатуры. Естественно, хрупкое произведение человеческого гения не выдержало и рухнуло, окончательно засыпав моё рабочее пространство. Зато, когда наш великий лидер в очередной раз грациозно проплывал напротив слегка приоткрытой двери, мне представилась честь удостоиться лёгкого одобрительного возгласа за то, что я наконец-то «начал работать». Во всём надо видеть свои плюсы.

Три часа сорок пять минут восемнадцать секунд. Я сежу перед абсолютно чистым столом. Моя проблема с макулатурой решила сама собой, когда зазевавшаяся секретарша неловким движением руки залила эти необычайно важные документы остатками первосортного бразильского кофе. Извинившись и пообещав всё исправить, она взглянула в небольшое карманное зеркальце и, удостоверившись, что на лице не осталось ни следа от внепланового обеда, грациозно виляя упругими бёдрами, вышла из моего кабинета. Я всегда считал, что в наше время особенно ценятся специалисты узкого спектра. Так вот, спектр Тома, а так звали секретаршу, был как раз таковым. Она медленно печатала, допускала море ошибок при оформлении документов, порой не отвечала на звонки и назначала несколько важных дел на одно и то же время, но эти мелочи не входили в её основные обязанности. А их было всего две: она делала великолепный кофе, о котором я мечтал каждое утро, и мастерски помогала шефу справляться с разнообразными стрессами. Ну и, в довершение ко всему этому, никогда не болтала лишнего, относясь к своим обязанностям, как, впрочем и ко всему в этом мире, с тотальным равнодушием. Так, что когда буквально через пятнадцать минут в мою комнату заглянули трое – меланхоличная Тома, задумчиво осматривающая лицо в маленьком карманном зеркальце в поисках следов «улаженных проблем»; босс, довольно улыбающийся и осматривающий место произошедшей трагедии масляными глазками, и его живот, сыто урчащий и мерно покачивающийся из стороны в сторону – проблема была улажена.

Четыре часа. Я лениво посматривал на мерцающий экран телефона, за весь день не издавший ни звука. Даже обидно. Зато тишину легко компенсировал один коллега. Он рабо-

тал кем-то в каком-то отделе, и звали его как-то на О. Вроде бы. Но по доселе не известным мне причинам, чуть ли не с первого дня пребывания в офисе, он избрал меня лучшим другом. Это проявлялось в том, что он постоянно пытаюсь подшутить надо мной, каждое утро без стука радостно залетая в моё маленькое уютное гнёздышко. Терпеть не могу людей, которые наглым образом посягают на моё личное пространство, и по первости, каждый раз, стоило его наглой улыбающейся роже протиснуться в дверной проём, моя рука непроизвольно дёргалась, в бесплотной попытке нащупать что-нибудь, чем можно загнать этого чёртика обратно в табакерку. Но время шло, а его повадки, не смотря на мою полную апатию и тотальное безразличие к его персоне, ничуть не изменились. Сейчас, например, он на протяжении получаса пересказывал мне вчерашний футбольный матч. Наши вроде как выиграли, и счёт был неплохой. Этой информации мне, как человеку, относящемуся к футболу и кёрлингу с равным интересом, должно было хватить. Но нет, не взирая на мои вялые попытки спровадить этого недотёпу куда подальше, он в мельчайших подробностях пересказывал мне каждую деталь этого «грандиозного события». Интересно, как ему удалось добиться подобной точности? Не удивлюсь, если он не спал всю ночь, заучивая игру наизусть.

Пять сорок восемь. Эти мгновения напоминают мне забег на короткие дистанции. Весь офис в полном составе, надев свои классические костюмы и зажав в руках кожаные кейсы (или разнообразные сумочки – женский вариант) выстроился вдоль коридора, высоко задрав зад, поставив стартовую ногу на стальную подножку, выпрямив спину и высоко подняв голову, замер в ожидании, пристально вглядываясь в медленный бег минутной стрелки. Вот-вот она соединится в сладостном экстазе с заветной цифрой двенадцать, и весь наш дружный коллектив, бодро работая локтями, стартанёт на свободу, по пути распахивая остальных счастливых беженцев, стремясь как можно быстрее втянуть растопыренными ноздрями воздух, пропитанный свободой и слегка отдающий бензином, копотью, и несколькими тяжёлыми металлами, которые вы вряд ли найдёте даже в периодической таблице. Один я не принимал никакого участия в традиционном корпоративном развлечении. Мне было не до этого. Вот уже битый час я сидел, тупо уставившись в мерцающий экран, и не подавал признаков жизни. Мне пришло письмо. Электронное, конечно. Чего тут необычного, спросите вы? Всё. И, чтобы не упустить ни малейшей детали, я покажу его вам. Вот. Наслаждайтесь.

«Здравствуйте, Марк.

Вас приветствует компания «Star Light inc.»!

Нас очень заинтересовала ваша кандидатура, и мы хотели бы предложить вам работу в нашей компании на должности «Зажигатель звёзд»

Обязанности:

1) Зажигать звёзды.

Требование:

Марк Адамович Вильштейн.

Условия:

1) С 18.00-5.00 (время работы может варьироваться в зависимости от сезона).

2) Освобождение от сна.

3) Место работы: метро Серпуховская, дом 71.

4) Оплата по договорённости.

И это всё. Даже номера обратной связи не было. **Н-И-Ч-Е-Г-О.** Первой моей реакцией на появление загадочного письма был шок. Меня бросило в пот, а по спине с грациозностью стада бизонов забегали мурашки. Похоже, душевные переживания так ярко отразились на моём лице, что даже мой недалёкий посетитель, успевший к этому моменту дойти приблизительно до 53 минуты матча, запнулся, и, пробормотав что-то нечленораздельное о срочных делах, требующих немедленного вмешательства, живо удалился.

Что, чёрт возьми, происходит?

В этот раз дождя не было. А даже если бы и был, скорее всего, я бы не рискнул повторить вчерашней прогулки. Слишком много странных событий произошло за последние сутки, и единственный способ сохранить последние крупинки здравого смысла заключался в том, чтобы максимально снизить риск возникновения новых неожиданностей. Поэтому, как только в коридоре послышался радостный топот набирающей скорость толпы, я, стараясь не думать о странном письме, молча выключил компьютер, и, набросив на плечи пиджак, неторопливо вышел из кабинета, по дороге захватив портфель.

Этот сладостный запах свободы!

Мы живём в клетках, которые сами себе выстроили, и осуждаем тех, кто пытается из них выбраться, или тех, у кого клетки не такие прочные и добротные, как у нас. Поколение идиотов. Я достойный сын своего времени.

Вдохнув полной грудью воздух, пропитанный бензиновыми испарениями, я, не торопясь, направился к стоянке, на которой среди стаи блестящих стальных воронов мирно устроился мой алый друг.

Вот навстречу мне промчался огромный многоцилиндровый демон начальника отдела снабжения – невысокого мужчины около пятидесяти лет, с хорошо просматривающийся лысиной. Насколько мне известно, у него была жена, приблизительно такого же возраста, двое детей. Оба мальчишки. И, кажется, маленькая внучка. Так же он давным-давно предпринимал тщетные попытки залезть под юбку к нашей секретарше, но был бестактно отвергнут, после чего затаил злобу и обиду на всех и вся. Что, как ни странно, не мешало ему каждый раз провожать долгим масляным взглядом стройные ножки Томи, слегка прикрытые короткой юбкой.

Вот, буквально через мгновение, яростно петляя и издавая жуткий рёв, выскочил небольшой спортивный автомобильчик. Это наш многоуважаемый начальник. С трудом представляю, каким образом ему удалось втиснуться в «обтягивающую» консервную банку, но, думаю, клоуны из старых фильмов, зарабатывающие себе на жизнь тем, что развлекают публику, втискиваясь по десять душ в маленькую, практически игрушечную машинку, аплодировали бы Вениамину Карловичу (а именно так звали босса) стоя, пуская крокодиловые слёзы, то и дело пытаясь повиснуть на его могучем торсе. Просвистев мимо меня со скоростью звука, красная молния резко затормозила около парадной двери офиса. Вообще-то там нельзя останавливаться, но для нашего Большого Б. (офисное прозвище этого грандиозного человека) не существовало подобных преград, его широкая душа не могла втиснуться в узкие рамки глупых норм и правил. Буквально через мгновение, стуча каблуками, через слегка приоткрытую дверь просочилась стройная фигурка Томи, и широкими шагами направилась к остановившейся машине. Её лицо, как всегда, было невозмутимо. Поражаюсь этому человеку. Обернувшись, она сделала жест рукой в мою сторону, который равноценно можно считать как дружеским прощанием, так и грубым посылом... не будем уточнять, куда. И затем исчезла в недрах несчастной машины, тут же с диким рёвом сорвавшейся с места. Да. Пожалуй, после подобного фокуса клоунам пришлось бы застрелиться.

В то время как я наблюдал за представлением, мимо меня пронеслось ещё три машины. Что ж, пора и мне навёрстывать упущенное. Насвистывая ненавязчивую мелодию, славящую шлюх, наркотики и сатану, я уверенной походкой направился к своей машине. Чёрт, когда же я оттащу её в мойку! Вот и на лобовом стекле что-то прилипло, ну это уже перебор. Раздражённый, я, стараясь не испачкать костюм, перегнулся через капот и достал засунутую под дворник бумажку. Не глядя швырнув портфель на заднее сиденье и собираясь опустить свою ленивую задницу в уютное кресло, я мимоходом взглянул на содержание листовки, скорее для очистки совести или из свойственного мне любопытства, ожидая увидеть очередную рекламу.

Здравствуйтесь, меня зовут Марк Адамович Вильштейн, и я идиот, не умеющий учиться на своих ошибках (далее должен идти звук вялых аплодисментов).

«**Star Light inc.**» значилось на лицевой стороне обложки. Замерев в крайне неудобной позе – наполовину в машине наполовину на улице – я дрожащими руками перевернул послание. Там было пусто. Озадаченно покрутил бумажку в руках, силясь отыскать хоть что-нибудь. Напрасно. Может, я болен? Кажется, это называется шизофрения.

Дорогу до дома я помню смутно, всё было как в тумане. Поворот налево, поворот направо, прямо, опять лево. Из динамиков вылетали низкие гитарные звуки и хриплый голос давным-давно почившего солиста, взывающего к своей постаревшей девушке из царства Аида. Моя правая рука машинально переключала передачи. Да, я привык к странным взглядам людей, впервые узнающих, что я вожу механику. «Либо нищий либо идиот», – читается в них каждый раз. Люди такие предсказуемые. Возможно, и у вас возник подобный вопрос. Нет, я не идиот, по крайней мере иногда мне нравится так думать; повышает самооценку, знаете ли; и даже не нищий. Просто мне нравится звук мотора, разгоняемого вручную, нравится чувствовать некое единение с автомобилем. Но автомат удобнее! – скажете вы. Знаете, мастурбация тоже в какой-то мере удобнее секса. Не надо ни партнёра искать, ни подготавливать почву, да и множество сопутствующих трудностей исчезает мгновенно. Но почему-то люди из века в век «делают новых людей». Значит «удобнее» не всегда синоним к слову «лучше».

И вот я уже стою перед толстой деревянной дверью. Привалившись к стене, жму на кнопку звонка, не отпуская. Где-то там, в глубине, слышатся протяжные звуки скрипки, отрывок из симфонии Паганини, пару лет назад, в Испании, я впервые побывал на действительно хорошем симфоническом концерте. Буквально на следующий день, в небольшом пропахшем пылью магазине, я приобрёл этот звонок. Мне казалось, эти звуки способны отпугнуть любые беды от моего дома. Ну вот где-то внутри раздались лёгкие шаги. Я всегда различал её поступь, едва уловимую, но очень близкую. Наваждение рассеивается. Я дома.

«Привет, милый. Руккола на столе», – лёгкий запах лаванды, смешанный с безумной гаммой других ароматов, каждый из которых по отдельности так и остался для меня загадкой. Лёгкий поцелуй в то место, где губы постепенно переходят в щёку. Из небольшой комнатки, объединённой с балконом, льётся мягкий желтоватый свет и лёгкие звуки пианино. Рисует. Как я люблю её такую! Когда она медленно удаляется от меня, едва касаясь пола, словно на цыпочках, будто лань, в левой руке зажав кисточку, измазанную в краске. Как мне нравится смотреть, как перекачиваются мускулы на её голых, слегка загоревших ногах. Люблю эту рубашку в чёрно-красную клетку, когда-то она была моей, но очень быстро сменила владельца, стоило нам съехаться. Я никогда не любил эту вещь так, как полюбил, стоило ей оказаться на её плечах. Мне нравилось, как она закатывает один рукав, а второй, которым она обычно придерживает мольберт, вечно расправляется, свисая практически до пояса. Мне нравилось, как края рубашки едва прикрывают её упругие ягодички. Мне нравилось, как она переплетает волосы резинкой, собирая их сзади в длинный хвост, светлым водопадом спадающий между лопаток, пока какая-нибудь непослушная прядь, вечно выбивающаяся из общей картины, игриво падала ей на глаза, и даже когда она, рассердившись, вновь заправляла её назад, та не унималась, и буквально через пару минут, вновь, словно маленький бунтарь, лезла в бой.

Я любил это. Любил лёгкие следы краски на её щеках и руках. Как я любил её в эти моменты!

Порой мне кажется, что мы любим не человека, а наше представление о нём. Внутренний образ, сложившийся под влиянием множества факторов и зачастую разительно отличающийся от оригинала.

На столе меня ждала красиво сервированная тарелка с салатом. Руккола, немного жареных креветок, кедровые орешки и всё залито апельсиновым и лимонным соком. Рядом надменно расположился высокий прозрачный стакан с минералкой, периодически презрительно выпускающий пузырьки с газом. Люблю, когда красиво. Во всём. В еде, в одежде, в людях, в

поступках. Это одно из моих маленьких жизненных убеждений. Нужно стараться, чтобы всё было красиво.

Но что же, чёрт возьми, происходит.

Прожевав листья салата, я потянулся за стаканом. Живительная влага стремительным потоком устремилась внутрь меня, принося успокоение. Но всё же надо что-то решать. Задумчиво облокотившись на спинку стула, я нерешительно достал из кармана загадочную бумажку, найденную несколькими часами ранее.

«**Star Light inc.**» — всё так же значилось на лицевой стороне. Хм. Коснулся пальцем надписи. Матовая. Приятная на ощупь. Двумя пальцами перевернул. Всё так же ничего. Перевернул обратно. «**И чего ты этим хотел добиться?**» – проступили тёмные буквы. Капля пота со звоном ударилась о светлый глянец обеденного стола. Меня затрясло. Кажется, я начинаю сходить с ума. Из соседней комнаты всё так же доносилась лёгкая музыка. Я зажмурился, крепко-накрепко сжав веки, и резко распахнул их. Перед глазами поплыли мутные круги. «**Только не надо паясничать**». Теперь моргать было уже страшно. Не в силах оторвать взгляда от дьявольской карточкой, я попытался позвать Карину, но вместо возгласа из моей глотки вырвался лишь лёгкий хрип. Во рту моментально пересохло. Вода. Кажется, в стакане оставалось ещё немного воды. Не отрывая взгляда от матовых букв, я на ощупь попытался достать стакан. Дзынь! Звук бьющегося стекла на мгновение разорвал магическую пелену. Я автоматически повернулся в сторону, тупо уставившись на мелкие осколки, разлетевшиеся по светлому с тёмными прожилками кафелю пола.

– Всё в порядке дорогой? – донёсся приглушённый голос, словно из другого мира.

– Да, да... Просто уронил стакан, – выдавил я, удивляясь, как неестественно звучал мой голос.

«**Позвони**» красовалось на лицевой стороне объявления. Вскоре, осмелившись, я обнаружил на обратной стороне номер «**500-550-555**». Ну что ж. Посмотрим.

Глава 3. Дверь, ведущая в никуда

Кажется это здесь. Ещё раз взглянув на зажатый в руке листок в синюю клетку, с нацарапанным на нём адресом, я задумчиво осмотрел окрестности. Да. Всё верно. Вчера вечером, доев ужин и поцеловав на прощание девушку, оставшуюся в своей «каморке» творить до глубокой ночи, я отправился спать, предварительно сбросив гнёт минувшего дня под освежающими струями прохладного душа. Самое интересное началось с утра. Проснувшись, я первым делом позвонил боссу. Обычно сильные мира сего не утруждают себя ранними подъёмами, подобно нам, простым смертным. Но Вениамин Карлович, в отличие от остальных представителей «сословия», обладал удивительной особенностью, которая хотя бы слегка покрывала его глобальные недостатки. Каждое утро, ровно в 6.30, наш Большой Б. поднимал своё необъятное сиденье, способное без особого труда ненадолго заменить для Деймоса и Фобоса их большого брата. Затем, совершив плановое омовение, этот грандиозный человек совершал ряд телодвижений, которые, как он полагает, являются дыхательной гимнастикой. Если следовать теории, что взмах крыльев бабочки может вызвать ураган на другом континенте, в таком случае многие катаклизмы минувших лет обрели в моих глазах кардинально иную причину. Но я отвлёкся. Итак, совершив «дыхательные упражнения», ровно в 7.00 босс выходит на пробежку. Честно говоря, для меня до сих пор остаётся загадкой, как человек, обладающий идеальными пропорциями (с точки зрения шара) в принципе способен перемещаться. А бегать? Это что-то из ряда фантастики, загадка, стоящая на одной полочке с бигфутом и ведьмами Салема. Всё это мне под строжайшим секретом выдала наша офисная Мата Хари – Тома. Сложно переоценить те ужасы, что ей пришлось пережить ради того, чтобы выудить эту информацию.

Ну а теперь серьёзно. Добавлю разве, что вся эта эпопея заканчивалась в 7.15 в Макдональдсе за углом, где наш спортсмен, с чувством выполненного долга, насыщал изнурённое тяжёлыми физическими нагрузками тело белками, углеводами и жирами. В большей степени жирами, конечно. В один из этих счастливых моментов я и застал нашего прозорливого исполина, это были те счастливые мгновения, о которых довелось узнать лишь избранным. Игорь, к примеру, смазливый паренёк из соседнего отдела, как ни странно имеющий очень хорошие отношения с Томой, таким образом выбил себе отпуск на три месяца раньше положенного срока, а Марта, скромная ассистентка одного из глав вездесущих отделов, которая однажды спасла нашу секретаршу из буквально безвыходного положения, умудрилась увеличить свою заработную плату до практически оскорбительных, для человека её квалификации размеров. Я же, в свою очередь, пользовался «мгновениями счастья» впервые.

– Доброе утро, Вениамин Адамович, – бодро, но в то же время как можно более сдержанно поздоровался я.

– Доброе, доброе, – прочавкало мне в трубку.

– Приятного аппетита, это Марк, Марк Вильштейн, извините если отвлекаю, но я сегодня не смогу выйти на работу, я, кажется, слегка простудился, – стараясь не упускать драгоценные секунды, сразу взял быка за рога я.

– Да, да, да... конечно, выздоравливай поскорее, Марта, – донеслось в трубку рассеянное бормотание, то и дело прерываемое звуками гремящего в пластиковом стакане льда и шелестом извлекаемых на свет божий чизбургеров, в конце концов завершившееся длинными протяжными гудками.

Ну что ж, может он и не до конца осознал, что сейчас произошло, но сделанного не воротись. На сегодня я был свободен.

После того, как первая часть моего гениального плана блестяще осуществилась, я немедленно приступил ко второй. Поцеловав спящую Карину, вяло ткнувшую меня локтем в нос

и зарывшуюся под одеяло, я принял освежающий душ и приготовил чашку крепкого кофе с крупными ломтиками копчёного сыра, покоившимися на соседней тарелке.

Глубоко вздохнув, я потянулся к телефонной трубке и медленно набрал заветные цифры.

– Компания «**Star Light inc**». Доброе утро, Марк, – практически мгновенно ответил знакомый голос телефонистки.

– Доброе утро, – начал я, готовясь произнести заготовленные заранее фразы, но стоило мне сообразить, что меня назвали по имени, как все мои планы мгновенно канули в Лету, смешавшись вместе с другими мыслями в хаотичном вальсе.

– Э-э-э-э... – только и сумел выдать я.

– Улица Большая Серпуховская, дом 71, – тем же обыденным голосом продолжила девушка, так и не дождавшись от меня членораздельной речи, – Более подробный адрес и схему проезда вы сможете найти на обратной стороне листовки. С нетерпением ждём вас.

Протяжные гудки, резко оборвавшие приятный голос телефонистки, грубо выдернули меня из забытья. Не знаю, как, но каждый раз, когда мне кажется, что меня уже совсем-совсем ничем не удивить и я полностью готов к любым превратностям судьбы, они каждый раз приводят меня в ступор.

Не выпуская завывающую трубку из рук, я медленно перевёл взгляд на листочек, на котором буквально пару минут назад сиял лишь номер. В этот раз они оплошали: этот фокус я уже видел. Сейчас на идеально белой бумаге бездушным машинным почерком был выбит адрес, продиктованный парой мгновений ранее, и рядышком, для особо сообразительных, была прикреплена карта проезда, чем-то смутно напоминавшая до боли знакомый **Google map**.

И вот сейчас я стоял напротив ничем не примечательной двери, над которой красовалась табличка «**Star Light inc**». Глубоко вздохнув, я, стараясь не думать, непроизвольно зажмурившись, положил руку на рукоятку, и, резко повернув её, потянул дверь на себя. Тут же в лицо мне ударил свежий кондиционированный воздух офисного помещения. Слегка приоткрыв один глаз, я решил оценить обстановку. Прямо передо мной стояла девушка. На ней была плотная тёмно-серая толстовка с ярко-розовым пони на уровне груди, совсем не вписывающаяся в августовскую погоду, грубые тёмно-синие джинсы, и кеды, изрядно потрёпанные жизнью. В левой руке у неё была ещё незажжённая сигарета, а в правой – полулитровая чашка кофе, из кофейни, в которой пол-литра этого напитка – вполне нормальная порция. Затем мой взгляд поднялся выше, и тут я по-настоящему растерялся. Она была очень красива. Кожа, слегка тронутая загаром, пухлые губы, растрёпанный ёжик тёмно-каштановых, волос и бездонные карие глаза, широко распахнутые от удивления.

– Эм, может, ты меня пропустишь? – голос у неё был ещё более необычный, чем её внешность, и прекрасно дополнял образ. Слегка низкий и хриловатый, он шёл словно изнутри, вырываясь из самой груди. – Алоо! Я с кем разговариваю? Ты обдолбанный, что ли?

– Я по объявлению пришёл, – слегка опешив, выпалил я.

– Ну молодец, искренне за тебя рада, может, пропустишь меня в конце концов? А то я уже старею, – раздражённо ответила незнакомка, и, не дожидаясь ответа, грубо оттолкнула меня в сторону.

– Не обращай на неё внимания, ты Марк, да? – из соседней комнаты, слегка прихрамывая, вышел невысокий мужчина, на первый взгляд, ничем особо не примечательный. Густая копна седых волос обрамляла небольшое озерцо лысины, бравшей начало у покато испещрённого морщинами лба и заканчивающееся где-то за макушкой; небесно-голубые глаза, такого особенного цвета, который бывает только у стариков, смотрели словно сквозь меня. Одет он был в слегка потрёпанный бежевый костюм в крупную тёмную клетку и такие же брюки. Единственное, что выбивалось из образа, был галстук нежно-голубого цвета с улыбающимся жёлтым утёнком посередине.

– Эм... да, вы приглашали меня на собеседование, весьма странным образом, – выдавил я, пытаясь собраться с мыслями, слишком непривычной была царившая тут атмосфера. Хотя, если связать её с теми событиями, которые происходили со мной на протяжении последних дней, то, в общем, не так уж и необычно. Серый будничный офис и строгий начальник в игрушечном галстуке, всё как всегда.

– Да, да, да. Извините за настойчивость, но нам нужно было убедить вас в необходимости явиться на собеседование, – улыбаясь, затараторил старичок, параллельно активно размахивая руками, словно ветряная мельница, и то и дело слегка подпрыгивая на месте. Признаться, почему-то в этот момент мне стало по-настоящему страшно за свою жизнь. Они здесь все ненормальные, что ли.

– Ты тут что, прописался? – донёсся знакомый слегка хриловатый голос из-за спины, сопровождаемый грубым толчком, и в нашу занимательную беседу вновь вмешалась девушка в толстовке, внося в неё ещё больше хаоса, смешанного с запахом крепкого кофе и сигаретного дыма. Прекрасно.

– Это Анна, наш администратор, – всё так же глупо улыбаясь, слегка прищутив глаза, затараторил галстук. – А это Марк, наш будущий смотритель неба, как мне бы хотелось считать.

Я сдержанно кивнул, стараясь не смотреть в сторону девушки, буравящей меня взглядом, настолько тяжёлым, что у меня невольно вспотели ладони.

– Давайте я введу вас в курс дела, – после недолгой паузы вновь вступил старичок, и не долго думая, ухватив меня за рукав пиджака, засеменял в направлении приоткрытой двери, за которой, по всей видимости, притаился его кабинет.

Я оказался прав. Это была небольшая комнатка, шесть на шесть, доверху забитая всяким хламом. Тут был и металлический шкаф для документов, покрытый облупившейся в нескольких местах и слегка выцветшей зелёной краской, и массивное кожаное кресло на колёсиках, по неведомым прихотям судьбы лишившееся спинки и одного колеса, вместо которого можно было обнаружить потрёпанный словарь Ожегова, прибывшего напрямик из тех замечательных советский времён, когда практически все книги на задней обложке помечались ценниками, сейчас кажущимися весьма комичными. В противоположном углу, на пьедестале из старых глянцевых журналов, восседал его величество вентилятор, за долгую жизнь лишившийся одного из трёх крыльев, но всё ещё бодро жужжащий и не думающий жаловаться на тяжёлую судьбу, нещадно его потрепавшую. Посреди комнаты, на самом почётном месте, находился стол. К сожалению, ничего больше по поводу этого совдеповского исполина я добавить не могу. Разве что толстый исцарапанный кусок оргстекла, водружённый на него сверху, могучим телом прикрывающий множество исписанных бумажек и пару пожелтевших от времени фотографий, чуть не выбил из меня ностальгическую слезу.

– Присаживайтесь, – шумно опустив клетчатый зад на жалобно застонавший табурет, выдохнул старичок, широким взмахом руки указав на небольшой деревянный стул, прикрытый газеткой, приставленный с обратной стороны стола.

– Спасибо, – выдавил я, аккуратно опуская седалище на предложенное место. Мимходом мне удалось разглядеть дату выпуска газеты, притаившуюся в верхнем углу страницы. 21 декабря 1986 года. Ух ты, раритет.

– Итак, что я должен сделать, чтобы вы согласились на эту работу? – упёршись локтями в стол и положив голову на ладони, человек-клетка максимально придвинулся ко мне и улыбнулся так широко, что я не на шутку испугался: не собирается ли он меня сейчас проглотить целиком. Я, конечно, никогда не встречался с каннибалами, но этот человек почему-то очень хорошо вписывался в тот внутренний образ человекоёда, сложившийся у меня в голове.

С другой стороны, меня впервые так настойчиво приглашали на работу, приятно даже. Если забыть про дурацкий инстинкт самосохранения, бьющий тревогу с того самого момента,

как я впервые услышал об этой компании. К чёрту его. Будем считать, что они просто знают, какой я на самом деле классный. Да. Именно так.

– Нуу... – слегка замялся я. Честно, не знаю, что ответить. А что бы вы сказали на моём месте? Я хочу море денег, лёгкую и интересную работу. Может быть, кто-то желает власти, а чего желаю я?

– Вот именно, чего же вы хотите? – улыбаясь, тихо переспросил старичок.

– Да ничего особенного, – и тут меня бросило в дрожь. Разве я сказал это вслух? В горле пересохло и мне никак не удавалось оторвать взгляд от бездонных синих глаз.

– Знаете, вы нужны нам, – облокотившись на стол, прокряхтел старик, приподнимаясь, взгляд его был устремлён куда-то сквозь меня. С его лица сползла идиотская улыбка, и сейчас он был предельно спокоен, только вместо напускной весёлости в его облике вдруг появилась пробирающая до глубины души тоска.

– Вы нужны нам, – продолжил он. – Но, тем не менее, и мы нужны вам, гораздо больше, чем вы предполагаете. Хотя, как мне кажется, вы это прекрасно понимаете, раз пришли сюда, просто не отдаёте себе отчёта. Чего вы хотите? Боюсь, вы сами не можете до конца ответить на этот вопрос. Денег? Мы вам их предоставим. Власти? Вы её никогда особо не желали. Но есть кое-что ещё, кое-что, что вы, кажется, практически забыли. Внутри вас горит огонь. Огонь, предназначение которого нести свет людям, помогая им найти их собственный путь во тьме жизни. Вы когда-нибудь слышали о Прометее, Марк? Или о Данко? Каждый из них нёс свет. Нет, даже не так, каждый из них был светом.

Я с трудом сглотнул, стараясь хоть как-то избавиться от тяжести внутри, словно цепями сковавшей меня по рукам и ногам, мешающей говорить, двигаться, дышать.

– Зачем мы живём, Марк? – повернувшись спиной ко мне и слегка присев на краешек стола, вновь заговорил старик, – Вы никогда не задавались этим вопросом? Знаю, что задавались. Это несложно угадать, практически каждый мало-мальски мыслящий индивид хоть раз, но задавал себе этот вопрос. И, чаще всего, не находил ответа. А вам никогда не казалось, что в наше время люди слепы? Каждый из них словно блуждает в необъятной тьме, пытаюсь найти себя. И не находит. Сотни величайших умов, творцов, писателей, первопроходцев, губят себя в погоне за ценностями, которые на самом деле им не нужны. Они просто не видят других. А эти у всех на виду. Знаете, давным-давно, один малоизвестный учёный создал занятную теорию. Теорию границ, если в общем. Суть её довольно проста, и я попробую передать её вам в двух словах. Наше время – время простоя. Раньше, человек, не находивший себя среди своих современников, мог легко отправиться на «границу». Будем это называть так. Ярким примером тому может служить знаменитый «May flower» отправивший переселенцев в неизведанное. Но что делать людям сейчас? Когда все границы исчезли. Космос? Но современные технологии пока не в состоянии открыть этот путь. Правда, осталась ещё одна граница. На мой взгляд – ложная. Граница сознания. Отчаявшись найти выход, многие люди пытаются пересечь её. Благо способов для этого в наше время существует предостаточно: наркотики, алкоголь, интернет. Вы никогда не задумываетесь, почему именно эти три пути в последнее время получают наибольшее развитие? Люди слепы. Спросите у любого тридцатилетнего парня или девушки: чего ты хочешь? Их ответы будут максимально схожи: любовь, деньги, власть, слава. Но неужели это всё, что может предоставить им наш мир? Конечно, нет! И большинство из них где-то в глубине понимают это. Понимают. Но не в состоянии принять. Все люди разные, но их объединяет одно: слепота.

– Да, но при чём здесь я? – боже, неужели это мой голос. Низкий, хриплый, звук словно прорывается через наждачную бумагу.

– Ты – выход. Ты тот, кому судьбой предназначено нести свет.

Повисла неловкая пауза. Повернувшись, старик уставился на меня взглядом, полным усталости. Пожалуй, я впервые видел настолько уставшие глаза. Такие, наверное, могли бы

быть у бога, безумно любящего свои творения, но обречённого вечно наблюдать за их страданиями. Левый уголок моего рта непроизвольно дёрнулся, стараясь изобразить улыбку. Слишком уж комично и пафосно прозвучала последняя фраза. Так мне показалось сначала. Но он не шутил.

– Пойдём, – едва слышно проговорил мой собеседник, обогнув стол и положив мне руку на плечо. – Ты должен сам это увидеть. Пойдём. Я покажу тебе твоё рабочее место. Может быть, это убедит тебя.

Тут мне хотелось бы сделать маленькое отступление. Наверное, каждый в детстве верил в чудеса? И считал, что вот с ним, именно с ним, произойдёт что-нибудь по-настоящему интересное и незабываемое. Может, группа космических пиратов возьмёт его с собой бороздить просторы космоса, или огромный волосатый дядька вломится к нему в дверь и заберёт в школу волшебства (где-то это, кажется, уже было.) Или же, на худой конец, какой-нибудь призрак явится к нему ночью и поведаст жуткую, но в то же время невыносимо печальную историю. Но мы растём. Зиму сменяет лето, и наоборот. И вместе с нами растут наши проблемы. Тысячи забот влетают в нашу голову, надёжно поселившись там, вытесняют старых жильцов. Грёзы и мечты обычно исчезают одними из первых. И вот, не успеешь опомниться, как ты уже сидишь в светлом холодном офисном помещении. На спинке кресла у тебя висит пиджак, качество которого может варьироваться, но суть остаётся неизменной; прямо перед тобой мерцает экран монитора. Дома тебя ждёт жена и маленький ребёнок. И вот именно тогда, на мгновение очнувшись ото сна, ты поймёшь, что детство кончилось, оно ушло и больше никогда не вернётся. И, осознав это, моментально забудешь. Закидаешь сотней тысяч мелких проблем, похоронив это мгновенное озарение на всю оставшуюся жизнь, потому, что иначе тебе просто не справиться с этим. Наверное, именно поэтому, стоило мне услышать этот злосчастный голос в телефонной трубке, приглашающий меня на собеседование, половина моего естества взбунтовалась, требуя немедленно забыть происходящее, но вторая половина, тот ребёнок, частица которого живёт в душе каждого человека, независимо от пола или возраста, ликовал. Вот оно! То самое чудо! Именно то, чего мы всегда ждали! Не упусти его!

И вот сейчас, сопровождаемый загадочным стариком с глазами, впитавшими всю печаль этого мира, и ярко-жёлтой уткой на нежно-голубом галстуке, я стоял напротив обычной тёмной двери, со слегка облупившейся краской и жёлтой наклейкой в виде звезды посередине. И мои руки вспотели, а сердце билось так, словно силилось вырваться из тесных оков грудной клетки. Мне было страшно. По-настоящему страшно.

Наверное, поэтому первой эмоцией было лёгкое разочарование. Из открывшейся двери на меня не вылетел дракон, не дохнуло адским пламенем, даже детская Нарния, похоже, пряталась где-то в другом месте. Передо мной был обычный зал с тёмными стенами и покрытым старым паркетом полом. Единственное, что слегка выбивалось из общего интерьера (если так можно назвать абсолютно пустую комнату), это необычайно высокие потолки, испещрённые старыми светильниками, вживлёнными прямо в него, и странные деревянные леса, похожие на те, которыми строители обносят ремонтируемое здание, возведённые практически под самый потолок.

– Вот оно, твоё рабочее место! – радостно воскликнул мой спутник, широко улыбаясь и зажмурив глаза. У этого парня настроение меняется быстрее, чем у какой-нибудь капризной актриски в маленьком городке.

– Эмм... Замечательно, – единственное, что мне удалось выдавить из себя. Порой моё косноязычие меня убивает.

– Всё, что от тебя требуется, – продолжил старик, – это каждый вечер приходить сюда и зажигать вот эти огни, и затем каждое утро гасить их.

– И это всё? – едва скрывая нахлынувшее разочарование, спросил я. И это всё? Зажигать долбаные фонарики? И ради этого весь этот фарс?

– Может быть, попробуешь? – лукаво улыбаясь, проворковал старик, – Сейчас как раз вечерет.

Не успел я опомниться, как его хрупкие ручонки с удивительной силой упёршиися мне в спину, поволокли меня в сторону небольшой деревянной лестницы, пристроенной к лесам.

– Давай, давай, – приговаривал он, подталкивая меня вверх. – Там, слева, висит небольшая трость. Всё, что тебе нужно, это коснуться ею звезды, чтобы та загорелась.

Ну вот, я уже под потолком. «Этот парень, похоже, сумасшедший», – пришла мне в голову гениальная мысль, слегка запоздалая. Ведь я уже стою на долбаном помосте, а в руке у меня, сверкая всеми цветами радуги (на самом деле она ничем не сверкала, банальная чёрная палка со стеклянным набалдашником, такие обычно у лжефокусников в моде, но это мой рассказ, и я хочу, чтобы она сверкала всеми цветами радуги), волшебная палка, зажигающая «звёзды». Недолго раздумывая, я тыкнул в первый попавшийся фонарик. И он загорелся. Опьянённый лёгким успехом, я ринулся ко второму и грациозным колющим движением зажёл ещё одну лампочку. Не сбавляя темпа, я тыкал то вправо, то влево, бегая по помосту, как ненормальный.

Вдруг так легко стало у меня на душе, прямо как в детстве. Я вдруг почувствовал нечто такое, что не сразу сумел осознать, словно я впервые в жизни сделал что-то правильное. И тут я стал обращать внимание, как те лампочки, до которых нельзя было дотянуться, зажигались сами собой, стоило невзначай навести на них палкой. Ага! Так вот, значит, как эта штука на самом деле работает! Ну и слава богу, а то я уже выбился из сил, носясь взад-вперёд по периметру комнаты.

И вот весь потолок озарился яркими огнями «звёзд». Признаться, это было очень красиво.

Радостный, я впервые бросил взгляд вниз, собираясь спросить у старика, как я справился, и замер от удивления. Прямо подо мной был город. Исчез старый, местами разбитый паркет, исчез старик, зато на их месте вдруг образовался целый мир. Я не знаю, как вам это описать. Наверное, так видят мир ангелы, если они существуют. Я видел всё. Я видел Лондон, я видел Токио, я видел Ватикан, я видел бескрайние пески Сахары и бездонные воды Тихого Океана, я видел каждого человека, я слышал их, чувствовал. Я испытывал боль маленького Тимми, мальчугана восьми лет со светлым лицом и шевелюрой, но очень плохими зубами. Он любил сладкое. Я испытывал радость Элизабеты, в двадцать два года исполнившей свою мечту, впервые представив на подиуме Парижа собственную коллекцию коктейльных платьев. Я был всем. Я дышал миллиардами лёгких, видел миллиардами глаз, чувствовал миллиардами сердец. Я жил, жил так, как никогда не жил до этого. Да и возможно ли назвать то, что было раньше, жизнью, в полном смысле этого слова?

Вдруг у меня перехватило дыхание, голова закружилась, и я почувствовал резкую слабость во всём теле. Слабо ухватившись за ограждение, я на мгновение закрыл глаза и почувствовал, что лечу. От силы встречного ветра перехватило дыхание! Мгновенно открыв глаза, я увидел приближающуюся земную твердь. Казалось, время остановилось! Я зажмурил глаза. Удар оказался довольно сильным, начисто вышибив воздух из лёгких. А оказывается, это больно, падать с небес на землю.

– Ты, что совсем больной?! – раздался откуда-то справа низкий голос, и спустя мгновение я почувствовал, как тёплые руки коснулись моей шеи. Вот я уже лежу на чьих-то коленях, голова моя задрана кверху, глаза, слегка ослеплённые светом софитов, с трудом различают человеческие контуры. Постепенно из небытия стали выплывать пухлые губы, короткий ёжик тёмно-каштановых волос и мятая толстовка.

– Привет, – выдавил, я не в силах сдержать улыбку.

– Му...к! – выкрикнула она и ощутимо ударила меня кулаком в щёку.

Ау, больно же! За что!

И тьма захватила меня.

Глава 4. Заоблачные грёзы

Знаете, я никогда не пил. Ну разве глоток шампанского на вечеринке у друзей, да и то чтобы от меня отстали. Но, несмотря на мою искреннюю невинность в этом вопросе, я прекрасно представлял, как должен чувствовать себя человек утром после бурной вечеринки. По крайней мере, я так считал.

Утро не задалось с самого начала. Очнувшись в мягкой постели от дикого вопля автомобильной сигнализации, разрывающейся прямо под окном, я резко сел, но через мгновение вновь рухнул обратно, осознав все ошибки и раскаявшись во всех грехах с момента своего рождения. Боль в голове была настолько адской, что мне пришлось пролежать как минимум пару минут, пока я смог пошевелиться, не опасаясь отбросить копыта. Следующие минут пять я был занят увлекательнейшим делом: разглядывал потолок, силясь сконцентрироваться на толстой зелёной мухе усевшейся над моей головой. Итак, судя по общему самочувствию, вчера я либо напился до потери пульса, либо меня сбил самосвал (что, учитывая мой образ жизни и лёгкую рассеянность, намного вероятнее), но поскольку я лежу у себя дома, а не в больничной палате, окружённый стенающими родственниками, значит оба варианта были ошибочными. Ну что ж, идём дальше. Стараясь не делать резких движений, я медленно свесил ноги с дивана. Успех! Дальше, опьянённый столь лёгкой победой, я поднялся на ноги. Это было ошибкой. Внезапно мир опять потерял чёткость, а земля, словно беговая дорожка, ринулась из-под ног. Но я устоял. Преодолев все невзгоды, я кое-как добрался до умывальника. Тут мне впервые удалось увидеть своё лицо. Кажется, версию с самосвалом я отбросил зря. Взлохмаченные волосы, синяки под глазами, плавно перетекающие в опухшие губы, да и общий памятный вид создавал впечатление, словно я недавно вступил в «бойцовский клуб». Количество вопросов продолжало нарастать. На кухне меня встретил приятный на вид, да и на вкус, сэндвич с индейкой и пармезаном, и маленькая записка, на которой ровным аккуратным почерком было выведено *«Доброе утро, милый. Сегодня буду поздно, важная встреча. Целую! P.S. Сэндвич на столе»*

Описывать дальнейшие сборы бессмысленно. Желание сдохнуть, к сожалению, не является причиной неявки на работу. А жаль. Правда, жаль. Не знаю, как я добрался до работы, но факт остаётся фактом: ровно в 9.00 моя измученная задница воссоединилась с офисным креслом, приветливо скрипнувшем в ответ.

Следующая часть дня также прошла как в тумане, по крайней мере, до обеда. Стоило кварцевым часам над головой обозначить начало перерыва, как в мой кабинет пулей ворвался он.

– Здорова, Марк! Видел вчерашний поединок? Этот хохол его просто порвал! Похоже, не зря он сало ест! Ха! Понял шутку? Хохлы любят сало!

Чтоб его. Ну почему именно сегодня? Почему именно сейчас. Ему, что, совсем нечем заняться. И какого черта я должен слушать эти бредни. Как же он меня достал. Голова раскалывается, никак не могу вспомнить, что делал вчера.

– Пошёл вон, – тихо выдавил я.

– Что, прости? – от неожиданности собеседник поперхнулся кофе, стаканчик с которым держал в руке, и, глупо улыбаясь, уставился на меня.

– Пошёл вон отсюда! – меня трясло. На лбу выступила испарина, я чувствовал, что ещё чуть-чуть, и я швырну офисный телефон в его мерзкую рожу с застывшей смазливой улыбкой.

– Я пойду, пожалуй, – пятаюсь с той же идиотской улыбкой, намертво прилипшей к его подхалимскому личику, гость спешно ретировался из кабинета, напоследок еле слышно проронив какое-то оскорбление в мой адрес, высказать которое в лицо у него никогда не хватило бы смелости, и плеснув немного мерзкого кофе на дверной косяк.

Кстати, впервые в жизни мне пришла мысль, что за всё время работы я так и не удосужился узнать его имя. Не потому, что мне не было интересно, хотя на самом деле мне было всё равно. Просто ни разу за всё время общения мне не приходило в голову, что этот маленький офисный подхалим, скорее сравнимый с паразитом, чем с планктоном, может иметь имя. Словно маленький мохнатый клещ, он вцеплялся в любого человека, из которого мог извлечь пользу, и только тот становился бесполезен, тут же перескакивал на новую жертву, словно престарелая шлюха, начисто забыв обо всех догмах морали. Жизнь часто сталкивает нас с такими людьми. Порой они нас злят, некоторые им завидуют, иногда они пытаются присосаться к вам. Единственное, чему меня пока не научила жизнь, это как себя с ними вести. Но, кажется, сейчас я кое-что понял. Вы можете окружить себя ими, и они, словно сирены, утаскивающие на дно зазевавшихся моряков, утащат вас на дно жизни, потому что они никогда не поднимутся вверх. Их пугает солнечный свет. Наверху нет места слабым. К какой бы вершине вы ни стремились.

– Bravo, мой мальчик, – тихий возглас, сопровождающийся лёгкими хлопками, вывел меня из лёгкого транса. Это была Тома. Похоже, она видела всю сцену с начала и до конца, и сейчас стояла, прислонившись к дверному косяку, и медленно хлопала в ладоши. На её лице была неестественная улыбка, скорее похожая на оскал хищного зверя. Медленно, не переставая хлопать, она подошла к моему столу, и, наклонившись, вплотную приблизилась к моему лицу.

– А ты растёшь в моих глазах, – тихо прошептала она мне на ухо, едва касаясь губами края моего уха. – Посмотрим, что будет дальше.

И неожиданно резко выпрямившись, исчезла так же внезапно, как и появилась. Оставив после себя лишь лёгкий мускатный запах и глухое эхо каблуков, цокающих об офисный паркет.

* * *

Вечер. Безумная колесница потихоньку сбавляет темп, день подходит к концу. Уставшие работники, выжатые досуха, медленно бредут к своим машинам, чтобы через несколько десятков незабываемых минут в пробках, вдохнув в себя всю прелесть жизни мегаполиса, завалиться на диван, и, поставив мозг в ждущий режим, отключиться от этого мира. Вот и я иду. Иду, как шёл до этого десятки, сотни раз. Вот я сажусь в удобное кресло, над созданием которого в своё время немало потрудились несколько десятков иностранных мозгов, поворачиваю ключ, приводящий в движение то, что ещё лет тридцать назад казалось невероятным, и еду вперёд, вперёд. Вокруг мелькают окна домов, в каких-то уже горит свет – символ новой жизни, какие то ещё темны, и их пустые глазницы с немой тоской таращатся на улицы, залитые светом. Весь мир соткан из тысяч чудес, столь привычных нам, что мы перестали их замечать. И вот я останавливаюсь у небольшого серого бордюрика, выключаю мотор, отстёгиваю ремень и покидаю маленького механического друга. Мгновение, и я уже стою напротив двери. Стук.

– Здорово, а мы тут со стариканом поспорили, вернёшься ты или нет. Кажется, я теперь должна ему сотку, – весело приветствовала меня Аннет, стоило повернуть дверную ручку и толкнуть дверь, оказавшуюся незапертой. От неё так же пахло кофе, смешанным с сигаретным дымом. Она так же язвила и ухмылялась, бросая взгляды, острые как рапира.

– А я что-нибудь получу из этого спора? – мой голос показался мне чужим. Словно это был не я, а кто то другой. И этот кто-то был мне явно симпатичен, хоть и не знаю, почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.